

ГЛАВА 22

— Нил, подойди ко мне.

Маленький Цзянь Хуай, мерно чеканя шаг крохотными ножками, приблизился к Кеннету. На нем был безупречно чистый детский костюмчик. Мальчик поднял голову, глядя на отца; его пухлое личико хранило печать недетской серьезности.

— Отец, — он чуть сжал губы, призывая внимание Кеннета.

Тот улыбнулся, подхватил сына на руки и усадил к себе на колени. Он указал пальцем на стену перед ними.

— Пойдем, я покажу тебе дорогу к приключениям. Это будет наш маленький секрет.

Они находились в кабинете Кеннета — говорили, что когда-то это была его детская, позже перестроенная. На стене висело огромное полотно маслом: семейный портрет, заказанный у самого именитого мастера Королевства Западных Земель.

Кеннет поднялся и, накрыв своей широкой и теплой ладонью мягкую ручку сына, подвел его к стене. По периметру картины он собственноручно, зубило за зубилом, вырезал пышный барельеф из белых роз, обрамляющий тяжелую раму. Каждое соцветие было уникальным, хрупким и до того живым, что случайному зрителю могло почудиться, будто в комнате повеяло тонким цветочным ароматом.

Кеннет наклонился и, ведя руку Цзянь Хуая, заставил его коснуться лепестков. Они начали с самых нижних бутонов, поднимаясь выше, кончиками пальцев изучая изгибы каждой розы. Когда рука мальчика замерла на едва раскрывшемся бутоне прямо перед его глазами, Кеннет негромко произнес:

— Нил, запомни: эта седьмая роза и есть мой секрет. Ключ к ней — в самом ее сердце.

Он вложил в маленькую ладонь Цзянь Хуая изящный ключ странной формы. Тот состоял из двух переплетенных цветов-близнецов. Их стебли туго закручивались друг вокруг друга, образуя единое целое. Ключ казался настоящим произведением искусства: искусная ковка, тончайшая гравировка на лепестках, которые плотно прилегали друг к другу, и лишь края их едва заметно отгибались, словно готовясь вот-вот распуститься.

Цзянь Хуай сжал сокровище в кулачке, боясь уронить или повредить его, и осторожно вставил в сердцевину резного цветка. Глядя на его сосредоточенное личико и широко распахнутые ярко-синие глаза, Кеннет не смог сдержать нежной улыбки.

Раздался негромкий щелчок — бутон-ключ полностью погрузился в белую розу, став

абсолютно невидимым снаружи. Белая стена за портретом вдруг просела и медленно ушла вниз, открывая в толще камня темный зев коридора, ведущего глубоко под землю.

— Идем, — Кеннет улыбнулся и, взяв сына за руку, увлек его в темноту. — Добро пожаловать, мой милый Нил, в сокровенный мир твоего отца.

Стена беззвучно поднялась, запечатывая проход. Вдоль стен вспыхнули факелы. Кеннет присел и коснулся ладонью одной из панелей тайной комнаты. Здесь тоже были вырезаны розы, но на этот раз — черные. Седьмая из них «выплюнула» маленький ключ обратно.

— Здесь хранятся мои самые драгоценные воспоминания. Моя коллекция.

Кеннет длинным пальцем коснулся пухлой щеки Цзянь Хуая и тихо рассмеялся:

— Когда ты подрастешь, я передам это место тебе. Даже если меня не станет, никогда не забывай, что у тебя есть этот уголок. Мой дар тебе.

***

Поэтому, когда Лилиан передала ему кулон и он обнаружил внутри эти застывшие в причудливом танце цветы-близнецы, воспоминания детства мгновенно всплыли на поверхность.

Цзянь Хуай всё еще помнил тот путь. Он в одиночку открыл скрытую за розами дверь и шаг за шагом углубился в недра тайника. Легкое эхо его шагов разносилось в мертвой тишине.

Это была странная комната. Просторная, но гнетуще-глубокая, где редкие огни едва разгоняли мрак. В самом центре стояла мягкая детская кровать, рядом висела одежда для маленького мальчика. С другой стороны высились ряды книжных стеллажей, забитых старыми, бесценными фолиантами.

Цзянь Хуай шел дальше. Там, куда свет почти не дотягивался, стояли подрамники с картинами. На некоторых он узнавал себя — серьезный ребенок с надутыми щеками, отчаянно пытающийся казаться взрослым. На других была запечатлена красота Лилиан: она чуть склонила голову, улыбаясь, а золотые пряди ее волос трепетал невидимый ветер, делая образ удивительно теплым.

Но на большинстве полотен Цзянь Хуай не мог опознать лиц. наброски в несколько штрихов казались незаконченными работами Кеннета, но слой старой краски говорил о том, что созданы они были очень давно.

Детская спина, укрытая длинными черными волосами. Улыбка — без лица, лишь изгиб губ и белизна зубов. Четыре переплетенные детские ручки, пальцы в пальцы, фарфоровая белизна

кожи.

В комнате нашелся и автопортрет Кеннета: зрелое, красивое лицо. Двое абсолютно одинаковых мужчин замерли друг против друга. Лица их были бесстрастны, но в темных глазах отражался образ визави. Несмотря на полное сходство, Цзянь Хуаю показалось, что это два разных человека, навеки скованных взаимным созерцанием.

И наконец...

Цзянь Хуай замер перед старой рамой. Картина почти полностью повторяла ту, что висела в кабинете наверху, с одним пугающим отличием: людей на ней было не трое, а четверо. Два Кеннета смотрели прямо на него, и оба одинаково улыбались.

Цзянь Хуай не понимал смысла этого послания. Он долго сидел в тишине тайника, прежде чем молча подняться.

В этой комнате хранилось множество сокровищ, собранных отцом, но Цзянь Хуай не взял ничего из золота или камней. Он выбрал книгу — «Жизнь Алекса Кеннета», написанную рукой отца. Это были путевые заметки, полные фантазий и грез. В них некий Алекс Кеннет проживал яркую, свободную жизнь, путешествовал по всему континенту, влипал в нелепые истории и совершал подвиги. Он был горд, дерзок и неисправимо романтичен. Все, кто встречал его, влюблялись в его искренность, и даже в старости он оставался безмятежно счастливым.

***

«Желаю тебе жизни без забот, мира и радости».

Цзянь Хуай сидел на краю кровати. Волосы его были влажными, капли воды скатывались по бледной шее. Кончики пальцев едва касались знакомых строк на последней странице.

«Алекс Кеннет».

Уходя из тайника, он думал, что это была жизнь, которой отец Кеннет втайне завидовал, а эти строки — искреннее благословение сыну Нилу. Всю свою жизнь Кеннет копил богатства, создавая для Нила роскошную клетку, но при этом ничего не требовал взамен, желая лишь, чтобы тот был счастлив в своей простоте.

Когда Цзянь Хуай ступил на землю Восточных Земель и встретил Алекса, он решил, что книга была хроникой жизни этого человека. Ведь отец говорил, что на Востоке у него есть тот, кому можно доверять. Он принял это за красивую легенду, оставленную в наследство.

Но теперь, когда пелена спала, Цзянь Хуай осознал истину. Книга была не благословением. Она была криком глубочайшей тоски Кеннета по Алексу.

Цзянь Хуай словно видел отца, бесчисленные часы просиживающего в темноте тайника, пытающегося вспомнить ту неразрывную связь, что была у них когда-то. Кеннет фантазировал: что, если бы Алекс не погиб? Каким бы он стал? Сохранил бы он то же лицо? Был бы он так же весел, как в детстве?

Холодные наставники твердили Кеннету: «У тебя никогда не было брата. Ты болен, это лишь плод твоего воображения, порожденный недугом».

Но был ли он болен? Нет. Он всё еще помнил, как сквозь пелену слез в семилетнем возрасте видел уходящую вдаль хрупкую, такую знакомую спину. Образ, который с годами становился всё более размытым, но так и не исчез.

***

Цзянь Хуай распахнул двери и вышел в сад, чтобы срезать распустившиеся красные розы. Его черные волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая безупречно красивое лицо. Он плотно сжал губы, взгляд оставался холодным.

В этот раз Цзянь Хуай оделся с особой тщательностью. Белоснежная рубашка с высоким воротником подчеркивала бледность его кожи и тонкую шею. Ряд пуговиц с синими бриллиантами тянулся от горла до самого пояса. Мягкий шелк рукавов в придворном стиле ниспадал тяжелыми складками, схваченными у запястий изысканными запонками. При малейшем дуновении ветра ткань колыхалась, отливая жемчужным блеском. Рубашка была заправлена в узкие черные брюки с высокой талией, подчеркивающие стройность фигуры и длину ног, обутых в высокие кавалерийские сапоги.

Цзянь Хуай давно не позволял себе подобного облика. Даже в Королевстве Западных Земель его редко видели в столь официальном наряде, источающем одновременно благородство и ледяное отчуждение.

Его пальцы, тонкие и изящные, казались почти прозрачными; сквозь алебастровую кожу просвечивали синеватые вены. Ногти были аккуратно подстрижены, а на кончиках пальцев под розовой гладью угадывалась легкая синева. Когда он срезал розы, острые шипы впивались в подушечки, оставляя на зеленом стебле ярко-алые следы.

Цзянь Хуай не обращал на это внимания. Собрав охапку цветов, он осторожно перевязал их черной шелковой лентой и устроил букет на сгибе локтя. Вскинув взгляд, он увидел двух рослых стражников, застывших у железных ворот с каменными лицами.

— Вы — люди Цзяи, верно? — тихо спросил Цзянь Хуай, глядя на них. — Знаете ли вы, куда его отвезли?

Оба повернулись к нему.

— Да, господин, — почтительно отозвался один. — Хозяин ранен, к нему вызвали врачей. Он в своем поместье.

Второй, помоложе, с еще не сошедшей с лица юношеской припухлостью, посмотрел на Цзянь Хуая с явной неприязнью.

— Господин Цзянь, вы персона слишком высокого полета, чтобы замечать таких, как мы, — в его голосе сквозила горечь. — Хозяин предан вам всей душой, а вы... вы даже не цените этого. Не знаю, кто на него напал, но это точно случилось из-за вас. А вы здесь, само спокойствие — гуляете по саду, цветочки собираете.

Цзянь Хуай словно не заметил дерзости. Он всё так же ровно спросил:

— Как мне его найти?

Его пальцы слегка дрожали, он изо всех сил прижимал к себе розы. Юный стражник указал на проглядывающую сквозь густую зелень крышу пагоды с красной черепицей:

— Вон там. Красный дом. Если у вас и впрямь есть сердце — идите пешком. У вас есть экипаж, но мы — не слуги богатых сынков и лошадей запрягать не станем.

Старший стражник открыл было рот, но передумал и промолчал.

Цзянь Хуай коротко кивнул и ушел. Он направился к конюшням. С детства обученный верховой езде, он прекрасно умел управляться с конями, хотя охалка роз в руках создавала неудобства.

Цзянь Хуай тяжело вздохнул, пытаясь унять сбившееся дыхание, и выпрямил спину. Он побледнел, но он ловко вскочил в седло. Одной рукой он бережно прижимал к себе букет, другой — уверенно держал поводья. Легкий толчок каблуками — и лошадь пошла мелкой рысью.

Увидев, что он выехал за ворота, старший охранник толкнул младшего в бок, после чего оба вскочили на коней и последовали за Цзянь Хуаем, держась на почтительном расстоянии.

***

Цзяи потерял много крови, но рана не была смертельной. Придя в себя, он окинул взглядом комнату и понял, что люди привезли его в собственные покои. Сейчас он полулежал на массивной кровати из красного дерева под расшитым синим одеялом.

— Где господин Цзянь? — хрипло спросил он.

Подчиненный тут же подскочил к нему:

— Господин в своем поместье. Пока вы были без сознания, мы доставили вас сюда и вызвали врачей. Сейчас вашей жизни ничего не угрожает.

Цзяи попытался сесть, опираясь на руки, и тут же глухо застонал от боли в животе.

— Хозяин, не двигайтесь! Врач сказал, что хоть важные органы не задеты, вы потеряли слишком много крови. Вам нужен покой, иначе швы разойдутся.

Цзяи не слушал. Он откинул одеяло, намереваясь встать.

— Хозяин, куда же вы?! Нельзя! — слуга упал на колени, отчаянно пытаясь его остановить. — Господин Цзянь... когда вы упали, он даже бровью не повел. Ему всё равно! Одумайтесь, не губите себя ради того, кому вы безразличны!

Цзяи замер. Он вспомнил лицо Цзянь Хуая в тот момент.

«Всё равно?!» Да это выражение лица... оно было полно такого отчаяния, словно ребенок провалился в самый страшный ночной кошмар!

Он думал: «Мой малыш... он сейчас как потерянный ребенок, который даже не знает, как плакать и звать на помощь. Я ждал так долго, пока он доверится мне. Он наконец решился, он сделал эти шаткие шаги навстречу, он упал в мои объятия! А теперь... теперь я оставил его одного в том доме, пропахшем кровью и жестокостью!»

Цзяи тяжело дышал. Он наотмашь пнул преградившего путь слугу. Резкое движение отозвалось вспышкой боли, белые бинты на животе мгновенно потемнели от проступившей крови.

— Пошел вон! — прохрипел он.

Цзяи ступил босыми ногами на холодный пол и рванулся к двери. Ему нужно было к Цзянь Хуаю. Любой ценой.

В этот самый миг снаружи раздался голос стражника:

— Хозяин! Господин Цзянь прибыл!

Цзяи застыл на месте. Его лицо, еще секунду назад пугающе-мрачное, вмиг преобразилось, отражая безумную радость. В глубоких темно-зеленых глазах вспыхнул жар надежды, в

которую он боялся поверить. Тяжелая, давящая аура, исходившая от него, мгновенно рассеялась, уступив место мягкому, трепетному ожиданию.

<http://bllate.org/book/17462/1696133>